

Молитва и заговор. Библейские мотивы и образы в эстонских заговорах

Маре Кыйва

Отделение фольклористики,
Эстонский литературный музей
mare@folklore.ee

Аннотация. В работе рассматриваются цитаты из Библии, псалмы и молитвы, которые использовались в функции заговоров. Представлен подробный обзор, какие стихи воспроизводились дословно, какие – в виде аллюзий или в составе парадигматических притч. В общей сложности в качестве заговоров применялись 33 стиха из Ветхого и Нового Завета, прежде всего для врачевания. Начиная с XVIII в. церковные псалтыри и Библия стали особенно часто служить источником заговоров, чему способствовало распространение церковной литературы на эстонском языке. Канонические молитвы также использовались в качестве заговоров, но наряду с врачеванием выступали и в других функциях (упорядочения социальных отношений, магического влияния на природные объекты и др.), упоминания об этом относятся к XVII в.

Поскольку речь идет об изменяющихся текстах, то исследуется, какие именно стихи из Библии, какие молитвы и псалмы использовались для создания полного текста, сколько в том или ином подвиде присутствует контаминаций и в какой функции (врачевание, регулирование социальных отношений и пр.) они применялись. Впервые проводится анализ использования молитв и прочих текстов, связанных с библейской литературой, в качестве заговоров на основании цельного корпуса.

Ключевые слова: заговоры, парадигматические притчи, молитвы, псалмы, Библия как источник заговоров

Молитвы и заговоры

Дискуссии на тему, как различать заговоры и молитвы и какова доля общего в них, продолжают на протяжении почти ста лет, периодически возникая вновь и вновь. Свой вклад в этот вопрос внесли известные ученые (например, Н. Ф. Познанский, А. В. Ветухов, Л. Хонко, К. А. Богданов, изучением той же темы занималась исследовательница заговоров XX–XXI в. Эва Поч). В определенной степени над этой тематикой я работала в 1980-х гг. (Кõiva 1984; Кыйва 1990), но меня больше интересовала степень близости текста и (печатного) оригинала, вариативность и значимость молитв в заговорах.

Несмотря на то что в Европе молитвы и церковная литература использовались в вербальной магии, в эстонской фольклористике молитвы и тексты уровня библейской литературы в расчет не принимались. Внимание уделялось прежде всего тем видам народной поэзии, при помощи которых можно было сформировать этническое самоопределение, т. е. мифические песни, культуру рунических песен, народную прозу и прочие виды. На основании визитационных протоколов историки подтвердили, что эстонцы плохо знали основные молитвы и неохотно ходили в церковь (Kahk 1980; Possevino 1973), практикуя во время церковных праздников свои обычаи (Westrén-Doll 1925). Историк Ю. Какк указывал, согласно церковным данным, на то обстоятельство, что внутренне эстонцы не признавали христианскую веру, не знали Библии и простейших молитв (Kahk 1980, 673).

Источники периода рекаатолизации подчеркивают, что народ довольствовался тем фактом, что монахи благословляли поля и жилища, а также были популярны как целители. Оба названных источника – визитационные протоколы и данные периода рекаатолизации – отражают период перехода из католичества в лютеранство, а также актуальный в то время спрос на повседневную помощь и благословения. И в XIX в. мы наблюдаем недовольство официальной церковью, которую упрекали в том, что она далека от народа, однако Библию и молитвы в то время знало большинство населения. Именно эта удаленность от народа считается причиной,

по которой происходил переход в братства, православие, а позже — в независимую церковь¹. И хотя причин для изменений было много, очевидно, что в XVI в. вековая традиция католичества быстро утрачивала свои позиции и неуклонно

¹ В начале XVI в. правящий класс вместе с эстонским крестьянством присоединился к протестантской ветви христианства (лютеранской церкви), а католичество осталось на заднем плане. Важную роль в принятии христианства сыграли пиэтизм в XVIII в. и еще больше братства, которые стали появляться с 1729 г. в образе особой формы лютеранства (Хернхут) в Саксонии: все члены общины назывались братьями, а старший избирался из их среды и был связан с крестьянами, которые стремились освободиться от немецких помещиков и пасторов. Движение было наиболее широко распространено в первой половине XIX в., к этому же периоду относятся написанные религиозными деятелями на эстонском языке жизнеописания святых и религиозные стихи. Братство оставалось влиятельным до его официального закрытия в 1950 г., а в 1992 г. оно было восстановлено. Свободные протестантские церкви (баптисты, адвентисты, пятидесятники) получили распространение главным образом в 1880-х гг., часть из них опиралась на так называемое движение свободных людей (эст. *prilased*), в начале XX в. стал распространяться методизм.

Более широкое движение обращения церкви от лютеранства к православию началось в Южной Эстонии в 1840-х гг. из-за голода и ряда болезней, а в 1880-х гг. — в западной части Эстляндской губернии. Во время этого социального протеста большая часть сельского населения перешла из лютеранства в православие. Основными мотивами смены веры были, вероятно, надежды эстонских и латвийских крестьян на улучшение своего экономического положения; немаловажную роль также сыграл протест против лютеранской церкви, которая находилась под влиянием помещиков из числа балтийских немцев. Значительное число новообращенных в православие пытались снова перейти в лютеранство. Влияние православия на фольклор и обычаи особенно сильно проявилось в старых контактных зонах Северо-Восточной и Юго-Восточной Эстонии.

30 марта 1917 г. эстонское православное духовенство начало организовывать свою национальную православную церковь.

XIX в. можно также назвать эпохой возрождения из-за многочисленных движений пробуждения и прибавления новых церквей. Обширные движения в протестантизме начались в XVIII в. и продолжались в XIX в. в ответ на превращение христианства в официальное моральное учение. Главной особенностью возрождения является акцент на переживании личной встречи с Богом.

возвращались старые обычаи. Иногда грань между прежним и новым канонами была размыта.

В XIX в. интер- и транстекстуальные связи между заговорами и церковной литературой остались непроработаны, вероятно, по культуроведческим причинам, основное внимание было обращено на народный пантеон и изучение народной поэзии, в которых христианству не было места. В качестве одной из тенденций в истории исследования заговоров можно назвать сосредоточение на различиях молитв и заговоров, а также на текстах молитв, в то время как псалмы и прочие письменные тексты, которые использовались в качестве заговоров, остались на периферии. В этническом корпусе заговоров представлен ряд связанных с Библией текстов и молитв, а также тексты псалмов, что привело к тому, что в эстонском корпусе заговоров число текстов с церковными связями оказалось больше, чем в любом другом виде народной поэзии.

Причиной теоретических споров являются общие содержательные и структурные компоненты обоих текстовых корпусов, а также использование молитв в функции заговоров. Основным элементом, разделяющим молитву и заговор, финский теоретик Л. Хонко (Honko 1972) считал цель, или функцию / интенцион – молитва не могла быть направлена на нанесение ущерба или на какой-то торг. Если проявлялись нетипичные для молитвы функции, то текст можно было считать заговором, несмотря на его содержание и происхождение. Использование молитв в качестве заговора я уже рассматривала ранее (Кыйва 1990, 98) и считала важной их универсальную вспомогательную функцию самого широкого спектра. Молитвы служили для легализации заговоров и входили в заговорный репертуар любого знахаря. Функция и структура молитв способствовали использованию их (и прочих церковных текстов) в качестве заговоров для исцеления или разрешения каких-либо проблем. Некоторые из них вошли в заговоры как часть целого. Хотя влияние библейской литературы и связь с нею проявляются во многих фольклорных жанрах, заговоры относятся к особой категории, а некоторые их черты являются следствием жанрово-видовой специфики. Заговоры характеризуются мульти- и транстекстуальными связями

с библейской литературой, в том числе с текстами апокрифов, молитв, Катехизиса, церковных певческих книг. Аналогичные черты характерны и для европейских заговоров.

Дж. Ропер также считает, что «...молитвы можно рассматривать как аналог заговоров. Канонические молитвы – это традиционные фразы, которые состоят из формул, содержат повторы, считалось, что они способны оказывать влияние на объекты. Более того, дошедшие до нас заговоры зачастую имеют ярко выраженное христианское или, по крайней мере, паракристианское содержание, а на практике, возможно, и не проводилась четкая концептуальная грань между молитвами и заговорами» (Roper 2005, 16). К. Пихельгас, которая анализировала использование молитвы «Отче наш» в качестве заговора на примере одного рукописного фонда, подчеркивала отсутствие в христианских молитвах начальной рифмы, параллелизма, описательного использования языка, диалектов, архаических выражений, синонимических повторов, тропов и пр. Поэтически текст молитвы значительно беднее заговора (Pihelgas 2013, 37).

Е. Вельмезова отмечала, что синтаксис молитвы логичен и легко прослеживается, в заговоре встречается множество повторов и резких поворотов (Velmezova 2011, 57, цит. по: Pihelgas 2013). Все же это утверждение не может восприниматься как абсолют, потому что более старые песни из молитвенников со своим архаичным языком и нечетким текстом ничем не отличаются от заговоров языком и структурой содержания².

Из наиболее старых источников для изучения функции заговоров и молитв можно назвать протоколы процессов над ведьмами. С XIV до XVII в. в Эстонии прошло примерно 150 процессов, из них более ста – в XVII в. (Madar 1987, 127–132). Часть подсудимых были ворожеями и народными лекарями, которых обвиняли в том, что наряду с лечением

² В качестве заговоров использовались песни из официальных печатных церковных песенников. В сборниках песен и библейских изданиях было широко распространено мнение, что старые библейские и богослужебные книги были более сильными и ближе к первоначальному посланию Бога. Возможно, что народные религиозные песни также использовались в качестве заговоров, но специальные исследования по этому вопросу пока отсутствуют.

они занимались вызыванием болезней и наведением порчи (1632 г. – Пуделл из Канеппи, Хайки Яан из Кьлласте; 1667 г. – Пылве Юрген; 1687 г. – Лука Тенно из Каавере и др.). Обвинения, связанные со знахарством, были предъявлены 22 мужчинам и 10 женщинам, среди которых были и 4 финна (Madar 1987, 135). Им вменялось в вину умерщвление животных, определение вора, отравление пищевых продуктов, оборотничество и, конечно, договор с сатаной (Madar 1987, 137; Uusruu 1938b, 79).

Благодаря колдовским процессам сохранилось более 30 эстонязычных заговоров или их фрагментов. Это позволяет судить о том, что материал по форме, содержанию и структуре очень разнообразен. Из протоколов процессов над ведьмами выясняется, что у народных врачевателей из числа эстонцев среди лечебных заговоров присутствовали тексты, основанные как на Библии, так и на христианских молитвах (Uusruu 1938a, 16; Ariste 1936, 12; Schlüter 1911). Это же относится и к заговорам, записанным в 1600 г. в Финляндии, где представлен соответствующий материал (Kuujo 1954, 72).

В записях процессов над ведьмами имеются *легендообразные заговоры* (*historiola* и короткие сюжетные нарративы): «Христос и девять недугов» от прострела (Madar 1980, 65–66), «Иисус на пути к храму» (Uusruu 1938a, 23; Schlüter 1883), *канонические молитвы* и тексты того же происхождения в функции заговоров. Существует множество сведений о применении «Отче наш» (Uusruu 1938a, 17; Madar 1980, 70), а также формулы экзорцизма: «Изыди, сатана!» (Madar 1980, 66).

Канонические молитвы и другие заговоры использовались как для белой, так и черной магии: одними и теми же словами можно было исцелять и насылать порчу (см. также: Uusruu 1938a, 17). Последняя особенность в эстонской народной традиции сохраняется и поныне. В заговорах обращаются с молитвами о помощи не только к Христу, Деве Марии, апостолам, святому Георгию, но и к сатане. Обращение может и вовсе отсутствовать или быть двойным: если не поможет один, то поможет другой, (Uusruu 1938a, 23 – одновременное обращение и к Богу, и к сатане).

Вся предыдущая дискуссия основана на мнении исследователей об использовании Библии и молитв в качестве

заговоров. В то же время совсем иной точки зрения придерживаются целители, колдуны, шептуны различных регионов и народностей, которые формулируют ее очень четко и однозначно: во врачевании они используют Слово Божие, слова взяты прямо из Библии, речь идет о церковных текстах. Это, например, является позицией канадских духоборов (Inikova 1999), православных русских (Ветухов 1907; Познанский 1917), а также эстонских знахарей (Кыйва 1990, 98–102) и многих других. С учетом ориентированности текстов заговоров на образы святых, Бога, Богородицы, Иисуса, на библейские / парабиблейские мотивы и с учетом того факта, что они составляют подавляющую долю всех заговоров, – это утверждение является верным.

На примере эстонских заговоров рассмотрим гетерогенные способы использования библейской литературы и ближайших видов: дословные цитаты; более свободное использование Писания / цитаты, ссылки или использование, основанное на аллюзии; песенники и молитвы.

Заговоры, основанные на Библии

Псалмы или цитаты из Евангелий во многих регионах Европы носили с собой, чтобы уберечься от болезней или несчастий. Особенно популярными в этом отношении были псалмы и цитаты из Евангелия от Иоанна, которые брали с собой во время войны, пребывания на воинской службе и во время путешествий. По имеющимся данным, последняя фиксация этого обычая приходится на время Второй мировой войны: такие выписки имел при себе солдат из эстонского поселения на Кавказе (RKM II, Mgn II 3706 (24)). С собой носили и другие рукописные охранительные книги и так называемые небесные письма (Vahtramäe 1999; Kõiva 1990; RKM II, 336, 454–457 (16)).

Многие народы использовали заимствования из Библии или создавали на их основе заговоры. Христос в качестве врачевателя хорошо известен в западноевропейской вербальной магии с 600 г. (Hndwb I, 1225). Такие интертекстуальные заговоры поддерживались средневековой литературой и рас-

пространявшимися устно легендами. Очевидно, посредничество шло довольно разными путями: часть репертуара перенимали у духовенства, особенно у странствующих монахов (см. также Possevino 1973, 29), часть заговоров народный целитель компоновал сам, вставляя в них отрывки из богослужений.

Заговоры, основанные на Библии, можно разбить на следующие группы.

1. Заговоры, словесное оформление которых почти полностью повторяет библейский текст. Легенды и библейские сюжеты проникали в Эстонию благодаря доминиканским и другим странствующим монахам, которые действовали и в качестве врачей, помогая больным, благословляя стада, поля и продукты (Possevino 1973, 29 и др.). Благоприятной почвой для прямых заимствований служили переводы Библии. Перевод церковной литературы на эстонский язык, а также богослужение и образование на эстонском языке связаны с Реформацией. Распространение библейского материала происходило, возможно, при помощи печатных изданий, начиная с первого катехизиса на эстонском языке 1535 г. Возможно, это происходило в конце XVI в. – особенно в 1560-е гг. – благодаря школам иезуитов и семинару переводчиков, а также в XVII в. благодаря сети народных школ. Отрывки из Библии печатались в так называемых домашних книгах и справочниках – они распространялись начиная с 1621 г., популярной была, например, книга, изданная Г. Шталем в 1637 г. Полный перевод Библии был подготовлен Антоном Тором Хелле в 1739 г. Ему помогали различные переводчики и корректоры, в том числе переводчик Библии Эберхард Гутслефф. Перевод, частично сделанный заново, а в значительной мере отредактированный, стал своего рода филологическим достижением своего времени, всего было отпечатано более 6000 экземпляров. По рекомендации Б. Г. Форселиуса старописный текст был приближен к эстонскому языку, и библейский перевод стал служить в качестве ориентира для унификации письменного языка в течение последующего столетия, до языковой реформы 1860-х гг. Писатель Фридеберт Туглас характеризовал перевод 1739 г. так:

«Библия нашла подходящий язык, обстоятельный и крестьянский, который еще не успели испортить поверхностное образование и газета. Он был сырой и бедный, но смелый и пластичный».

Ценные издания полной Библии были доступны не всем эстонцам, но они попадали в распоряжение народных врачевателей, среди которых было много ремесленников – народа талантливого и образованного для своего времени. Кроме того, отрывки из Библии и пересказы фрагментов Ветхого и Нового Заветов начали активно публиковаться в церковных календарях с 1715 г., что, безусловно, способствовало распространению знаний библейских сюжетов.

Почти дословная передача библейского текста зависела от индивидуальных знаний и своеобразия репертуара конкретного врачевателя. Часто в этих заговорах соединялось несколько библейских цитат (или их конспективных фрагментов, *historiola*) и при помощи возникших аллюзий выстраивалась стратегия на излечение или избежание несчастья. Используемые библейские цитаты являются историями о счастливом исходе какой-либо кризисной ситуации или кумуляциями историй об избавлении от гибели и несчастий. *Historiola* позволяет указать на конкретное место в Священном Писании, на котором основывается текст заговора. Изредка встречаются дословные пересказы из Библии.

Для заговоров характерен механизм, действующий или на основе сравнения, или по аналогии. Успешное решение прошлой кризисной ситуации создает магический и психологический мост для повторения этого же в аналогичном случае. При взаимной контаминации не соблюдается хронология текстов: вперемешку встречаются более ранние и поздние тексты, истории из Ветхого и Нового Заветов. При контаминации исходили из функционально необходимого для заговоров, библейские легенды находятся в позиции обязательных содержательных констант.

2. Заговоры, связанные более *опосредованно и ассоциативно* с библейскими текстами. Здесь исходной точкой при формировании содержательной стороны заговоров является общее знание Библии. Существенен характерный для опре-

деленного типа врачевателя феномен исцеления при помощи слова Божьего, посвящение себя врачеванию по воле Божьей.

Это поддерживается, в свою очередь, международной заговорной традицией, в которой библейские мотивы используются как *historiola*. Особенно четко это проявляется в заговорах, опирающихся на авторитет Иисуса (Бога) как исцелителя: их структура и словесное оформление могут варьироваться и приобретать своеобразную форму. При этом некий конкретный тип может иметь узкий ареал распространения и малое число вариантов. Кроме фактора устного распространения и воздействия народной традиции соседних народов на них влияли канонизированные церковные легенды. Не исключено влияние индивидуальной традиции и личного отбора заговоров исполнителем.

Часть международных, широко распространенных в Европе заговоров с закрепившейся формой непосредственно связаны с библейскими текстами. К примеру, «Крещение Христа», «Земная жизнь Христа», «Счастливые часы», «Христос на кресте», «Рубцы и раны Христа» и др. На их бытование в эстонской народной традиции уже в XVI–XVII вв. указывают протокольные заметки в ходе процессов над ведьмами. Базирующиеся на Библии и известные у разных народов магические тексты на основе легенд встречаются в рукописных книгах с заговорами. Рукописи, сохранившиеся в фольклорном архиве и относящиеся к середине XIX в., по содержанию достаточно вариативны, что исключает использование одного первоисточника при переписывании.

3. Отдельную большую группу с разновариантными типами образуют заговоры, *связанные с легендами*, их можно называть легендообразными, у них присутствует нарративное ядро, но нет прямого соответствия в Библии. Эти заговоры исходят из широко распространенной в Европе устной и письменной совокупности легенд. Часть их бытовала и в эстонской традиции в XVI и XVII вв. Такими типами являются «Иисус на пути в церковь» (Второй Мерзебургский заговор), «Демон и Иисус», в XIX в. – «Розы Христа», «Три розы», «Три ангела», «Три мужа», «Четыре девы через поле», «Дева прядет шелк», «Святое дитя и воры» и пр.

Из мотивов Ветхого Завета в эстонских заговорах использованы следующие.

1. «Разъединение земли и моря». Встречается в заговорах от бешенства и в некоторых вариантах включает в качестве мотива простое сравнение: «Оо, Господь Иегова, отделий Ты сам эту болезнь, так как Ты отделял землю от воды» – основывается на книге Бытия (Быт. 1: 6).

2. «Вода старше, чем свет». Заговор использовался для лечения болезней, полученных от воды, опирался на мотив разделения воды на море и сушу на третий день сотворения мира – основывался на книге Бытия (Быт. 1: 2–9). Например, «*Veetõbe vastu. Vesi valva, valgus maga, sest vesi on kolm päeva vanem kui valgus*» <...> [Против водной болезни. За водой наблюдают, свет спит, потому что вода на три дня старше света] <...> (ERA II 202, 76 (35) < Пярну, 1938).

3. «Создание первых людей» – лечебный заговор, основанный на книге Бытия (Быт. 1: 26 и далее).

4. «Спасение Ноя от потопа». В заговорах одна из составных частей контаминации основывается на книге Бытия (Быт. 6, 7 и 8).

5. «Авраам и ангел». Встречается в качестве контаминационной части в сложном заговоре, в основе история об Аврааме, который просит ангелов о пощаде Содома (Быт. 19: 24–25, 28–29).

6. «Спасение Лота из Содома и Гоморры» (Быт. 19: 1–26). Мотив истребления Содома и Гоморры огнем известен и в латышских заговорах (Straubergs 1939, 287 и далее). Следует заметить, что этот заговор в Эстонии почти полностью совпадает с библейским текстом. Обычно в эстонской традиции Содом и Гоморру вспоминают бегло в связи со спасением Лота и его дочерей, а в некоторых вариантах точно воспроизводится библейский текст, например, как ангел приказал Лоту покинуть обреченный на гибель город, на сомнения его домочадцев и пр. Таким образом, использование мотива у двух близких соседних народов не тождественно.

7. «Жезл Моисея». Встречается в качестве составной части контаминации, в заговорах, где также присутствует волшебный посох Моисея и Аарона (Исх. 7).

8. «Бог насылает на народ египетских вшей» (Исх. 8: 13 и далее). Вошел в заговоры против вшей.

9. «Разъединение вод Красного моря перед израильским народом и спасение его от войск фараона» основывается на книге Исхода (Исх. 14: 16 и далее). Сюжет разъединения моря Моисеем у эстонцев и латышей вошел в заговоры от пожара (Straubergs 1939, 10).

10. «Моисей извлек воду из скалы». Центральный мотив в заговорах от боли, основывается на историях о том, как Моисей извлек из скалы воду в Синайской пустыне и из горы Хорив (Исх. 17: 1–6; Исх. 20: 1–13).

11. «Народ возроптал против Моисея». Мотив использовался в заговорах против пожара – основывается на 4-й книге Моисея – Числа (Чс. 11: 1–2). В заговоре описание событий обычно конспективное: «Народ возроптал против Моисея, Моисей воззвал к Богу, там исчез огонь» (E 5678 I (3) < Пярнумаа). В Библии эта история несколько пространнее: «Народ стал роптать вслух на Господа, и Господь услышал, и воспламенился гнев Его, и возгорелся у них огонь Господень и начал истреблять край стана»; «И возопил народ к Моисею: и помолился Моисей Господу, и утих огонь». Этот мотив, также конспективно, распространен и в еврейской традиции.

12. «Илья-пророк под можжевельником». Заговор использовался для лечения ран – основывается на 3-й книге Царств (3 Цар. 19: 4).

13. «Раны Иова». Использовался при лечении нарывов – основывается на книге Иова (Иов. 2: 7–8).

14. «Трое юношей в горячей печи». Использовался в заговорной традиции от огня, опухоли, удара, боли и женских болезней – основывается на книге пророка Даниила (Дан. 3). Этот мотив, широко применяемый в эстонских заговорах, представлен то пространно, то фрагментарно. Упомянутая история часто контаминируется с другими типами заговоров. Иногда контаминируются несколько библейских легенд: «Трое мужей в горячей печи» + «Бог создал молнию» (Иов. 28: 26); «Трое мужей в горячей печи» + «Спасение Лота из Содомы и Гоморры» (Быт. 19: 1–26); «Трое юношей в горячей печи» + «Даниил перед голодными львами» (Дан. 6) или «Трое

юношей в горящей печи» + «Иона во чреве кита» (Ион. 2). Для заговоров характерно и то, что элементы сюжета свободно варьируются – у Лота при спасении его из Содома и Гоморры (Быт. 19: 1–26) в заговорном тексте иногда вместо трех дочерей упоминаются только две. Из контаминации встречаются еще «Трое мужей в горящей печи» + «Иона во чреве кита» (Ион. 2) + «Иона под кустом» (Ион. 4: 5) + «Раны Иова» (Иов. 2: 7–8). Мужей называют по именам в некоторых вариантах (Седрах, Мисах, Авденаго) и их спасение описывается по вариантам довольно точно, близко к тексту Библии (например, Н II 23, 686 (28)). «Трое мужей в горящей печи» используется и у латышей в нескольких вариантах: встречаются записи, близкие к библейскому тексту, и также этот мотив встречается в качестве составной части контаминации (Straubergs 1939, 287 и далее).

Jälle siuvu- või ussisõnad. Siis peab lugema issameie palve:
 Jeesuse Kristuse, meie isanda nimel.
 Kolm meest olliva tuleahjun,
 kolm kord sina peastsid ära.
 Taaniel oli kolm ööd ja kolm päeva
 lõvide augus, hauas.
 Isand, kolm korda sina peastsid neid ära.
 Joonas oli kolm ööd, kolm päeva
 merekala kõhus.
 Isand, kolm korda sina peastsid teda ära.
 Lott oli oma kolme tütreaga
 Soodoma linnas.
 Isand, kolm korda sina peastsid neid ära.
 Ja nüüd sina, vana madu,
 tuled ja pured minu jalga
 oma mürgise hammastega ja keelega,
 sina vana kuri ja kaval,
 minu karjapeni võtab sinu kinni,
 kes sinu seitsmes tükkis purus kisub.
 See tuleb puretu peale panna.
 Aamen. Aamen. Aamen.

Заговор от укуса змеи, а затем молитва «Отче наш»:
 Во имя Иисуса Христа, нашего Господа.
 Трое мужей были в печи –

три раза Ты их спасал.
Даниил был три ночи и три дня
в норе львов, в могиле –
Господи, трижды Ты их спасал.
Иона был три ночи, три дня
в чреве кита –
Господи, три раза Ты спас его.
Лот был со своими тремя дочерьями
в городе Содом –
Господи, трижды Ты их спасал.
А теперь ты, старая змея, пришел,
и укусил мою ногу
своими токсичными зубами и языком.
Ты старый, злой и хитрый,
моя собака поймают тебя и
разорвет на семь частей.
Аминь. Аминь. Аминь

(РКМ II 361, 153/4 (2) < Ранну, 1982).

15. «Иона во чреве кита и его спасение» основывается на книге пророка Ионы (Ион. 2).

Кроме представленного выше перечня контаминаций, есть и другие легенды Ветхого Завета, использовавшиеся в эстонском заговорном репертуаре. Большинство же заговоров, основанных на легендах, опирается на места в Писании, связанные с Христом и событиями его жизни, т. е. на материале Нового Завета.

16. «Мене, мене, текел, упарсин» (Дан. 5: 25–29).

«Sinine pääsuhkru paber kritseldati ja ristitati valge kriidiga täis, et midagi aru ei saanud, kirjutati: “Mene, mene tekkel, uvarsin”. Seda anti roosihaiguse vastu». [На синей обледенелой сахарной бумаге было написано белым мелом «Мене, мене, текел, упарсин»³, чтобы ничего не понять. Это заговор от рожи] (E 72233 (2) < Саарде, 1931).

³ Мене, мене, текел, упарсин (ивр. מִנֵּה מִנֵּה טֶקֶל וּפְרִסִין, по-арамейски означает буквально «мина, мина, шекель и полмины»: меры веса), в церковнославянских текстах «мене, текел, фарес» — согласно книге пророка Даниила – слова, начертанные на стене рукой ангела во время пира вавилонского царя Валтасара незадолго до падения Вавилона от рук Кира. Объяснение этого знамения вызвало затруд-

17. «Жизнь Христа». Заговоры используются при боли, костоеде, зубной боли и от испуга. В типичном виде эти слова следующие: «*Jeesus Naatsaretist, Jeesus on sündinud Betlemmas, Jeesus on surnud Jeruusalemmas, nii tõesti kui need kolm sõna on*». [Иисус из Назарета, Иисус родился в Вифлееме, Иисус погиб в Иерусалиме. Это правда, так как эти три слова – во имя Бога Отца, Бога Сына и Бога Святого Духа] (РКМ II 166, 212 (146 I) < Хаадемеесте, 1963; Е 30103/4 (12) < Ямая, 1897 (по вариантам также: Иисус страдал на кресте в Иерусалиме)). В заговорах против испуга и глазных болезней тип «Жизнь Христа» присоединяется к типу «Три полотенца» (последний не имеет прямой связи с Библией). Тип «Жизнь Христа» был широко распространен в Европе. Например, «*Unser Herr Jesus Christus ist geboren in Betlehem, erzogen in Nazareth, gekrutziget in Jerusalem, die drei sind wahr. Unser Herr J. Ch. nahm die schönen Jungfrauen an der Hand und besprach die Schwulst und auch den Brand und auch die Schmerzen*» (Ветухов 1907, 283). В концовке немецкоязычного варианта называются болезни, которые лечит Иисус, примечательно, что часть их совпадает с практикой эстонской традиции, хотя в наших заговорах концовка-перечисление отсутствует.

18. Эстонские заговоры от испуга включают мотив первого посещения церкви Марией вместе с Иисусом (Лк. 2). «*Maria läks esimest korda oma pojaga kirikusse. Langes pae peale põbeli maha, Võttis selle musta raamatu Ja valge raamatu, kirjutas oma parema ja pahema sõrmega sinna raamatu sisse. Jumal see Issa, Jumala see poja, jumala see pühavaimu nimel*» [Мария пошла впервые в церковь со своим Сыном. Он упал на колени, взял ту черную книгу и белую книгу, дописал своей правой рукой и левым пальцем в книгу. Во имя Отца, Сына и Святого Духа. Аминь] (Н II 16, 703 (4) < Ристи, 1889).

нения у вавилонских мудрецов, однако их смог пояснить пророк Даниил: «Вот и значение слов: мене – исчислил Бог царство твое и положил конец ему; текел – ты взвешен на весах и найден очень легким; перес – разделено царство твое и дано Мидянам и Персам» (Дан. 5: 26–28). В ту же ночь Валтасар был убит, и Вавилон перешел под власть персов (Дан. 5: 30). Вероятно, библейский рассказ основывается на реальных событиях, сопровождавших вступление персидской армии в Вавилон в ночь на 12 октября 539 г. до н. э.

19. В заговорах особенно часто указывается на образ «Иисуса как врача». Заговоры, непосредственно связанные с библейским текстом, использовались для лечения болезней, от боли, увечий, удара. Варианты по содержанию довольно различны, представлены в основном в виде сравнения: «*Valuvõtmise sõnad. Issand too neljast tuulest abi. Kui sa oled parandanud luuvalutsid ja pidalitõbitsid ja veretõbitsid, sõgetid nägema, kõrvutuid kuulma, jalutuid käima, nii paranda ka minu valu*» [Слова облегчения боли. Господь принесет помощь от четырех ветров. Если Ты исцелил боль в костях, исцелил прокаженных, людей с заболеваниями крови, Ты сделал сумасшедших провидцами, глухих слышащими, парализованных ходящими — лечи мою боль таким же образом] (Н IV 8, 814 (23) < Рынгу, 1900). Чаще всего в практике заговоров использовались соответствующие фрагменты из Евангелий от Матфея и Марка: излечение лунатика / одержимого (Мф. 17: 14–18; Мр. 9: 17–27; Лк. 9: 37–42), излечение многих больных в Генисарете и Галилее (Мф. 14: 35–36; Мф. 15: 30), излечение кровоточивой (Мф. 9: 20–22; Мр. 5: 25–34), излечение мужчины с отсохшей рукой (Мф. 12: 10–13), излечение гадаринского бесноватого (Мф. 8: 28–34; Мр. 5: 1–19; Лк. 8: 26–36), излечение слепого (Мр. 8: 22–26, Ин. 9: 1–11), исцеление тещи Петра от горячки (Мф. 8: 14–15; Мр. 1: 30–31), исцеление разбитого параличом (Мр. 2: 1–12) и др. Если в заговоре говорится, что Мария Магдалина изгоняла злых духов из женщины из Келупа (Е 60934), то в Библии этому соответствует, очевидно, (Мф. 15: 21–28) или (Мк. 7: 25–30), где Христос изгоняет злого духа из дочери женщины Хананеянки. Такая подмена лиц и мест довольно обычна. С другой стороны, основанием для заговора может служить и какое-либо иное письменное или устное предание, связанное с христианством.

Иногда лечебные заговоры заканчиваются словами: «*Через силу Иисуса Христа и моими руками*» или «*Пусть будет здоров моими руками и через силу Бога*». В качестве интересного примера, где изменено место действия и часть события, можно привести вариант заговора: «*Kui Jeesus oli Kenetsareti järve ääres, siis tulid jüngrid ta juure ja ütlesid: „Õpetaja, sial teinepool järve üks tiib inimesi terveks sinu nimel, aga ta põle meie*

hulgast. Kas me piame keelama, et ta seda ei tiiks“. *Jeesus ütles: “Kes ei ole meie vastu – on meiega, las ta tiib”*» [Когда Иисус был у озера Генисаретского, пришли к нему ученики и сказали: «Учитель, там, на другом берегу озера, один лечит людей от Твоего имени, но он не из нашей среды. Должны ли мы ему запретить, чтоб он не делал этого?» Иисус сказал: «Кто не против нас, тот с нами, пусть лечит»] (РКМ II 101, 217 (35) < Кулламаа, 1960).

Здесь мы имеем дело с эпизодом, довольно близким к Евангелию от Марка (Мк. 9: 38–40), изменены только место действия и действующие лица. Библейские события происходили в Капернауме, разговор – между Иисусом и Иоанном.

Поскольку в Библии имеется много сообщений об Иисусе как врачевателе, то не удивительно, что он был популярным действующим лицом в средневековой литературе, легендах и заговорах, к которому обращались при разных бедах. Довольно часты краткие формулы, в которых просят Иисуса (Бога) помочь при изгнании болезни, и различные международные сюжеты легенд, *historiola*, например, «Иисус на пути в церковь» (2-й Мерзебургский заговор), у которой нет прямого соответствия с Библией.

20. «Крещение Христа в реке Иордан» – один из старейших распространенных в Европе заговорных мотивов: к X в. относится латинский вариант, к XII в. – немецкий, а к XV в. в Европе – целый ряд вариантов для отвода огня, вора и пр. (Hndwb IV, 768). В Эстонии эти заговоры использовали от удара, кровотечения, рожи и против пожара. Упомянутый тип заговора контаминирует много разных мотивов – библейских и небиблейских. Среди важнейших можно назвать «Крещение Христа» + «Три розы» (реже «три лилии»)⁴, «Крещение Христа» + «Переход израильского народа через Красное море», «Тайная вечеря» + «Крещение Христа», «Огонь, остановись»⁵ + «Крещение Христа». Таким образом, этот мотив вхо-

⁴ Роза в католицизме и лютеранстве является атрибутом Иисуса Христа, лилия – символ Христа. В заговоре от рожи (рожа-роза) Христос несет в руках три розы.

⁵ В заговоре знахарь говорит, что огонь и человек – родственники, поэтому огонь не может вредить человеку.

дит в качестве начального или заключительного компонента в сложные заговоры (от болезней, которые могут лечить только знахари), но может бытовать и самостоятельно. В последнем случае основными видами в Эстонии являются следующие.

А. Иоанн крестит Иисуса в Иордане. В одном тексте имеется близкая к библейской концовка, которая в других вариантах не встречается: *«И голос с неба провозгласил: „Это Мой любимый Сын, которому душа Моя радуется“»* (ср.: Мф. 3: 17).

Б. Чудесные прохождения через воду Моисея и Иисуса Навина (Исх. 14; Нав. 3: 14–17). Из них первый – переход Моисея через Красное море – известен в эстонских заговорах, и даже в мифах и религиозных нарративах. Расступание вод перед проходящим по воле Бога – повторяющийся мотив в Библии, встречается еще в связи с пророками Ильей (4 Цар. 2: 8) и Елисеем (4 Цар. 2: 14). У большинства народов Центральной и Северной Европы – один из популярнейших типов заговоров на кровь.

В. Иисус, идя на крещение, просит воды не волноваться. Последнее можно считать одной из вариаций мотива крещения.

С мотивом святости реки Иордан связан ряд заговоров, у которых нет прямой связи с Библией, но которые, несомненно, инспирированы Библией, библейской или парабиблейской литературой. Например, к VI в. относится заговор, как река действительно остановилась во время крещения Христа (Hndwb IV: 765; Ohrt 1931). Опосредованно связываются с мотивом крещения заговоры на кровь, в которых последняя должна остановиться, как текущая вода в реке Иордан. Аналогичный образ популярен в финской народной традиции (Levón 1904: 89). С рекой Иордан связаны и другие заговоры, в которых действует Христос.

21. «Взятие камней из реки Иордан» или белый камень реки Иордан, на котором Иисус написал свое имя и возле которого он отдыхал (Ап. 2: 17; 3: 12) – это народная версия Библии. Белый камень имеет много толкований, но есть только одно упоминание о том, что Бог дает нам белый камень с новым именем: «Тому, кто победит, я дам немного скрытой манны. Я также дам этому человеку белый камень с новым именем, написанным на нем, который известен только тому, кто его получает» (Ап. 2: 17).

Согласно многим толкованиям, на камне написано имя Христа, а не имя верующих. Апокалипсис также упоминает, что имя Христа написано на лбу святых (см.: (Ап. 3: 12)).

Из контаминированных типов наиболее интересным является «Береза Тюрья». Данный тип распространен в Северной Эстонии и соответствует ареалу классической рунической песни. В словесном оформлении (*tape*, *maidu* и пр.) чувствуется влияние финского языка и народная этимология. К последнему следует отнести трансформацию *kosk* (водопад) в *kask* (береза), что объясняется стремлением сделать понятным чуждое языковое выражение. Варианты «Береза Тюрья» по длине и словесному оформлению довольно-таки различны:

«Tüü, tüü, türjä kaske, tüü, türnä, juoksemasta, punane pudenemasta, maidu maha laskemasta. Veri kinni juoksemasta, veri kinni, vesi kinni, Jumala juedki kinni, suure kuera suoned kinni - veri kinni juoksemasta!»	[Тю, Тю, береза ⁶ Тюрья, тю, тюрна не теки ⁷ красная не стекай на землю, Майду (= сливки) не стекай на землю, Кровь, стой, не теки, кровь, стой, вода, стой, реки Бога, стойте, сосуды большой собаки, закройтесь, кровь, стой, не теки!]
--	---

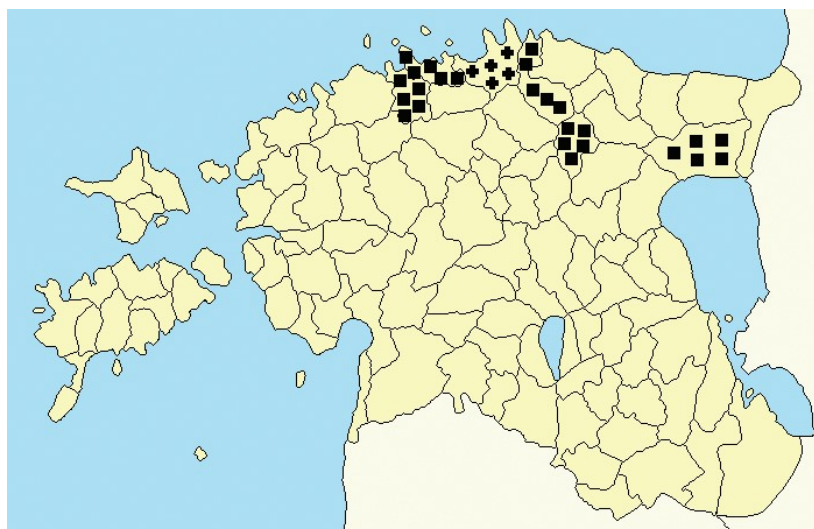
(EÜS VIII 2115 (6) < Куусалу, 1910).

Представленный вариант является одним из наиболее полных. В разных вариантах крови запрещают течь, как реке Иордан, где крестили Христа; как реке Христа или Бога приказывают стоять как стена или как стоит сад на реке Иордан. Один вариант «Березы Тюрья» соединяется с заговорами на железо⁸ и мотивом «страдания Марии» (H IV 6, 142/3 (4)). «Береза Тюрья» – поэтический текст, имеющий параллели в финских заговорах (Levón 1904) (см. карту «Ареал мотива “Береза Тюрья”»).

⁶ «Kosk» – по-эстонски водопад, «kask» – береза, знахарь, вероятно, перепутал слова по звучанию, и вместо водопада появилась береза.

⁷ «Тюрна» созвучно староэстонскому варианту «тырн», что означает «уставать» (переставать).

⁸ Имеются в виду острые железные предметы (нож, топор, пила и т. п.), о которые можно порезаться до крови.

Ареал мотива «Береза Тюрья»

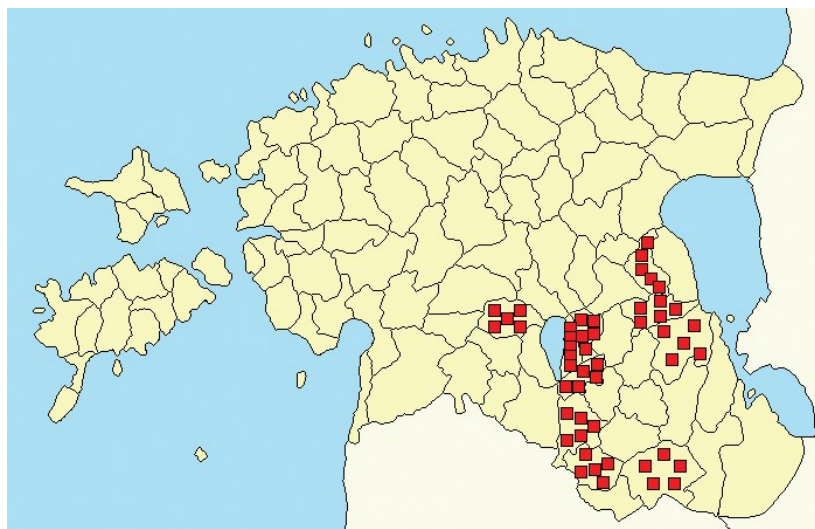
22. Как уже было сказано, в заговорах одно действующее лицо легко заменяется другим. В заговорах, где «Христос стоит с золотыми скрижалями», речь идет, вероятно, о Моисее, держащем скрижали (основывается на книге Исхода (Исх. 31: 18; Исх. 32: 15–16)). Данная тенденция характерна не только в отношении заговоров, но характеризует и в более общем виде судьбу архаических слов в песнях и повествованиях. Ярким примером такого переосмысления является, например, предпринятое Ф. Р. Крейцвальдом преобразование неизвестной ему формы *лиенеб* ('есть' – *futurum*, прибалтийско-финские языки) в заговорах на змею по имени Леена («Какого цвета Лееночка» (Neus & Kreutzwald 1854, 67; см.: Kõiva 1981), которые использовались против рожи и змея⁹:

⁹ В старом распространенном балтийско-финском языке одна из возможностей состояла в том, чтобы сформулировать будущее время с помощью слова *«lieneb-bieneta»* (когда-то в будущем случится). Позже эта форма бытовала в ограниченном ареале Северной Эстонии, в балтийско-финском и финно-угорских языках форма будущего

«Какого цвета ты Лееночка?
 Послушай, милая Лееночка.
 Знатный богач в большом болоте,
 слушай золотая госпожа,
 да смогу тогда тебя разгадать /
 разгадать твое происхождение

(Е 84056 (329) < Мустяла, 1933).

23. «Дерево, растущее в саду у Христа» – очевидно, мы имеем дело с аллюзией на смоковницу (Мф. 21: 19 и далее) (см. карту «Ареал мотива “Дерево, растущее в саду у Христа”»). Заговоры использовались против кровотечения.

Ареал мотива «Дерево, растущее в саду у Христа»

времени отсутствовала. Во времена создателя эпоса «Калевипоэг» научные языковые формы только появлялись. По этой причине Фр. Р. Крейцвальд ошибочно решил, что *Lieneb* может быть диалектной формой имени *Leena* (в диалектах севера Эстонии – *Liena*), и использовал в заклинании от змея имя *Leena*. Позднее Крейцвальд опубликовал тексты заговоров в Санкт-Петербурге в 1854 г. на эстонском и немецком языках (Kreutzwald 1854), позднее эта книга появилась в Эстонии, и из нее эстонские знахари заимствовали этот заговор.

24. «Иисус говорит со слепыми» – основывается на Евангелии от Матфея (Мф. 15: 30), Евангелии от Марка (Мк. 8) и пр. Такие заговоры использовались против боли в глазах.

25. «Иуда предаёт Христа». Архивный текст: «*Kolm vaest pimedat istusid tänaval. Sääl ütles meie armas Jeesus Kristus: „Teie vaesed pimedad, miks istute sää?“ – „Sellepärast istume meie sää, et meie Jumalat ei või näha igal pool ja teda mitte ära tunda“. Sääl ütles armas Jeesus Kristus oma suuga ja hingega: „Ma tahan teid õnnistada põletuseks, õnnistada laskmiseks, valgeks ja kollaseks, õnnistan teid lõögiks ja naelaks, et teie välja läheksite nagu Juudas Ketsemanni aiast välja läks, mees ja naine leidsid sää Jumala. Mis juhtunud on seda on armas Jeesus Kristus parandanud“*» [Три бедных слепых сидели на улице. Сказал наш милостивый Иисус Христос: «Бедные слепые люди, почему вы сидите там?» – «Для того мы сидим, что не видели Бога повсюду и не узнали его». Так сказал милостивый Иисус Христос своим голосом и душой: «Я благословлю вас сжечь, отстрелить болезнь, убрать белое и желтое благословляю вас, благословлю убрать удар и гвоздь, чтобы они вышли, как вышел Иуда из Гефсиманского сада»] (ERA II 202, 66 (14) < Пярну, 1938 (дословный перевод. – М. К.). Это производное от Евангелия от Матфея (Мф. 26: 24–25) или Евангелия от Луки (Лк. 22: 21–23) и др.

26. «Иисус на Голгофе» основывается на Евангелии от Матфея (Мф. 27: 33–34). Эти заговоры использовались против кровотечения:

«Jeesus Kristus Kolgalad:
veri jookseb nii kui vesi,
vesi jookseb nii kui veri –
raud sulab nii kui hõbe,
hõbe sulab nagu raud».

[Иисус Христос сидел на Голгофе,
Его кровь течет, как вода,
вода течет, как кровь,
железо плавится, как серебро,
серебро плавится, как железо]

(Н II 16, 447 (33) < Юуру, 1889).

27. «Иисус на Масличной (Елеонской) горе» использовали в Эстонии для прекращения кровотечения, основывается на Евангелии от Матфея (Мф. 21: 1).

28. Против удара и болезней неясного происхождения в заговорах использовали описание тайной вечери (Лк. 22:

14 и далее), к сюжету может примыкать мотив омовения ног учеников (Ин. 13: 1–17 и далее).

Тип «Тайная вечеря» дает контаминации и с типами «Тайная вечеря» + «Крещение Христа» или «Христос переходит через Красное море» + «Тайная вечеря» + «Благословение первым людям». Один из вариантов копирует достаточно точно Евангелия от Матфея, Марка, Луки, Иоанна (Мф. 26: 26–29; Мк. 14: 22–25; Лк. 22: 17–20; Ин. 6: 47–51): «*Jumal Jeesus Kristus mina usun püha õhtusöömaega sisse pärast seda kui sina pesid jalgu oma jüngritel, ütlesid: „Võtke sööge seda, see on minu ihu!“ Ja siis oma püha kätega võtsid sina karika üteldes: „Jooge, see on minu veri uue sääduse sees, ja nii mitu korda seda tehke oma pattude eest minu mälestuseks“*» [Иисус Христос, я верю в тайную вечерю после того, как ты обмыл ноги своим ученикам, сказал: «Возьмите, ешьте, это плоть моя!». И затем своими святыми руками взял ты чашу, сказав: «Пейте, это кровь моя! В новом законе. Итак, сотворите за грехи свои несколько раз в поминовение мое»] (ERA II 202, 23/4 (37) < Пярну, 1938).

29. «Христос на кресте» – основывается на гл. 27 Евангелия от Матфея и пр. Применяли в эстонской традиции при жаре, опухоли, зубной боли, ревматизме, для остановки кровотечения (наиболее часто), а также для успокоения домашнего. Мотив «Христос на кресте» распространен у европейских народов прежде всего против кровотечения (Hndwb I, 1455). Старейший известный текст – рифмованный заговор на латинском языке, относящийся к 1349 г., в таком виде он применялся в Германии до XIX в. Наряду с этим текстом распространялись более короткие варианты, которые, как считают исследователи, возникли в XVI в. «Христос на кресте» встречается в Эстонии в пяти основных вариантах.

А. Христос на кресте.

Б. Эта кровь: Христова кровь (в Германии первые сообщения об этом варианте относятся к XVI в.).

В. Христа ранили 3 (5) евреев; вариант известен и в русской традиции (Ветухов 1907, 243).

Г. Гвозди Христа – известен и в немецкой традиции.

Д. Пять ран Христа – распространен и в других местах в Европе, в Германии известен с XVI в. (Hndwb I, 1455)¹⁰.

«Христос на кресте» дает контаминации с отдельными редакциями (например, варианты А + Д или с иными мотивами: «Иисус у Красного моря» + «Христос на кресте»).

Опосредованно тип «Счастливые часы» основывается на распятии Христа. Самая ранняя запись типа «Счастливые часы» относится к X в. и сделана на английском языке. На немецком языке он начал массово распространяться с XVI в. (Hndwb I, 1225). Содержанием типа является рождение, распятие и воскресение Христа: на первом плане стоят события жизни Христа. В Эстонии часто фиксируется тип «Счастливые / Святые часы» в заговорах от боли, рожи и ран:

«Raiutud haav	[Рубленая рана
Püha on see haav,	Святая та рана,
püha on see tund,	Святой тот час,
püha on see päev.	Святой тот день.
Jumalast see haav sai.	От Бога та рана произошла.
Jumala see isa, poja ja Pühavaimu	Это во имя Бога Отца, Сына
nimel. Aamen».	и Святого Духа. Аминь]
	(E 9170 (8) < Вильянди, 1894).

Тип «Город боли и плена Иерусалим» начал распространяться с XV в., возможно влияние духовных песен. В Эстонии распространился через посредничество прибалтийских немцев, как и прочие варианты, и использовался от ревматизма, жара:

¹⁰ Ср. с православными так называемыми пяточисленными молитвами, которые, по преданию, сложены святителем Дмитрием Ростовским в конце XVII – нач. XVIII в. и посвящены пяти скорбям Божией Матери — когда старец Симеон предрек смерть Иисуса на кресте (Лк. 2: 34–35), когда Мария и Иосиф потеряли 12-летнего Иисуса, возвращаясь из Иерусалима (Лк. 2: 41–52), когда стало известно, что Иисус «пойман и связан от жидов» (Мф. 26: 47–56; Мр. 14: 42–50; Лк. 22: 47–54; Ин. 18: 3–14), когда Иисуса распяли на кресте между двумя разбойниками (Мф. 27: 38; Мк. 15: 27–28; Лк. 23: 33–43; Ин. 19: 18), когда полагали в гроб тело Иисуса, снятое с креста (Мф. 27: 55–61; Мк. 15: 40–47; Лк. 23: 49–56; Ин. 19: 38–42) (Автор выражает благодарность Елене Боганевой за дополнения).

«Jooksva (reuma) ja sisemise valu vastu
 Vangi- ja valulinn, sa Jeruusalemm,
 sa juudi linn, kus meie Kristus sai risti küljes surmatud ja vaevatud.
 Seal ta valas vett ja verd.
 Kolmainu isa ja pühavaimu nimel».

[Против ревматизма и боли внутри.
 Город боли и плена Иерусалим,
 город еврейский, где наш Христос был умерщвлен на кресте
 и мучим.
 Там пролил он воду и кровь.
 Во имя Троидного Отца и Святого Духа]

(Н III 28, 305 (6) < Кыпу, 1896).

30. «Христа избивают тростью» – заговор от боли, основывается на Евангелиях от Матфея, Марка и Иоанна (Мф. 27: 30; Мк. 15: 19; Ин. 19: 3). В эстонской традиции обычно тип, базирующийся на сравнении, встречается как самостоятельно, так и в контаминации, в заговорах против рожи.

31. «Иудеи хотят побить Христа камнями» – основывается, вероятно, на Евангелии от Иоанна (Ин. 10: 31), использовался против боли и от ран.

32. Девять слов, сказанных Христом на кресте (Мф. 27: 46), применялся в качестве заговора от рожи. В европейской заговорной традиции как заговор используется прежде всего сам предсмертный крик Христа «Или́, Или́! Лама́ савахфани́» (Hndwb I, 1225). В Эстонии: «*Встань у дверей дома моего и прочти мне девять слов. Те, которые Иисус произнес на кресте. Прочти эти слова мне*» (EFITA_F65-022).

33. «Печать на могиле Христа» – Евангелие от Матфея (Мф. 27: 66) – встречается как часть контаминации, используется от боли.

34. «Крушение на море и спасение Павла» – основывается на Деяниях апостолов (Деян. 27: 9–44 и далее), встречается как часть контаминаций в заговорах от боли.

35. «Спасение Петра из темницы» – основывается на Деяниях апостолов (Деян. 12: 3–11), встречается как часть контаминаций, используется против боли.

36. Наряду с заговорами, основанными на контаминациях и отдельных местах из Библии, в Эстонии в функции за-

говора использовались и отдельные целостные тексты, из которых наиболее известны 90 (91)¹¹ псалом Давида (от удара). Псалом 36, стих 7, должен был помочь при лечении болезней, полученных от земли – в Европе его применяли против чумы (Hndwb I, 1225), в Эстонии – от головной боли.

37. Существенными компонентами лечебных заговоров могут быть различные приказы: «Идите и сделайте учеником каждого. Крестите людей во имя Отца, и Сына, и Святого Духа» (Мф. 28: 19).

Основные структурные схемы

Часто в единое целое объединяются разные, основанные на Библии, истории, добавляются краткие формулы, молитвы или заповеди. Обычной структурной схемой является, как правило, история, событие, которые должны автоматически отпугивать демонов болезни, добавляются сравнения и дополнительные приказы; обращения к существу или болезни отсутствуют, как и апелляции к высшим силам.

1. История (*historiola*)

«Jeesus kõndis teeda mööda, Maarjas kõndis maada mööda, otsis oma armast lasta. „Roega, roega, kus sa oled?“ – „Ruusalemma linna all“. – „Mis sa siis seal teed?“ Istub kuld tooli peal, küündlad põlevad laua peal, valged inglid ukse ees».	[Иисус шел по дороге, Мария шла по земле, Она искала своего любимого ребенка. «Сын, сын, где Ты?» – «Под городом Иерусалимом». «Так что Ты там делаешь?» Сижу на золотом стуле, на столе горят свечи, белые ангелы у двери]
---	---

От женских болезней (E, StK 14, 139 (5) < Вяндра, 1922).

¹¹ Девяностый псалом из книги Псалтырь (в масоретской нумерации – 91-й). Известен по первым словам «Qui habitat (in adjutorio Altissimi)» (лат.) и «Живый в помощи» (церк.-слав.). Зачастую используется как молитва в опасной ситуации. В еврейском тексте Библии псалом не имеет заголовка, в Септуагинте имеет надпись Αἶνος ᾠδῆς τῆ Δαυὶδ — «хвалебная песнь Давида», которая перешла и в другие переводы. Надпись в церковно-славянском тексте: «Хвала песни Давидовы, не написан у еврей». Протестанты обычно используют масоретскую нумерацию.

1а. История + закрепка. К истории или событию добавляется какая-либо из закрепляющих формул. Таковыми являются, например, «Христос на Масличной горе» + закрепка; «Мария первый раз в церкви» + закрепка. Пример заговора и закрепки:

«Maarja kõndis mööda teed, otsis oma ainust poega. “Poeg kus, Poeg kus oled sa? Kõik rahvas sind otsivad“. – “Mis nad minust otsivad? Mind on siia risti löödud. Rist on täiesti verine, oda üleni määritud. Linnud said söödud, rõghaud sai täidetud, Jumal tuleb tulega, võtub vilja välja pealt, inimesi ilma pealt, vagad kalad vee seest. Abram laulab mere ääres. Adam, Eva, tulge seie, siin on sinu rõõmupaik“. Jumala, isa, poja, pühavaimu nimel. Aamen».	[Мария шла по дороге, искала своего единственного Сына. «Где Сын, где Ты, Мой Сын? Весь народ Тебя ищет». – «Что они Меня ищут? Меня здесь на кресте распяли, крест весь в крови, копье все измазано. Птицы накормлены, могила адова заполнилась, Бог придет с огнем, вытащит всходы из поля, людей со света, благочестивых рыб из воды. Авраам поет у моря. Адам, Ева, придите сюда, здесь твое место радости. Во имя Отца, Сына, и Святого Духа. Аминь]
---	---

(EÜS XII, 7 (7) < Вайке-Маарья, 1915).

1б. Закрепка + история + закрепка. Первым или последним компонентом может быть каноническая молитва, которая опосредованно может быть приравнена к закрепке.

1б1. Молитва + история + закрепка.

1б2. Закрепка + история + молитва.

2. История + история или история а + (А + n) истории, например, «Тайная вечеря» + «Христос на кресте». Соединяться могут до четырех самостоятельных историй.

2а. Апелляция к помощи свыше + закрепка (или молитва «Отче наш»), история А (или А + n истории) + сравнение (как X, так Y). Последним компонентом может быть краткая формула и с иной структурой.

2б. Апелляция к помощи свыше + изгнание зла + история А (А + n истории) + базирующееся на последней сравнение

(как X, так Y) + апелляция к помощи свыше. Это же действительно и при сравнениях и приказах с *если-условием*: если А сделал В, то пусть также сделает и С: если Бог спас иудейских мужей Седраха, Мисаха и Авденега из огненной печи (Дан. 3: 19–25), то пусть потушит конкретный пожар, поможет конкретному лицу, погасит конкретный огонь.

2в. История А (или базирующееся на ней сравнение – как А, так и В) + закрепка + история В и /или базирующееся на ней сравнение (как В, так и С) + апелляция к помощи свыше + закрепка.

2г. Посылание боли / болезни в исходное место или просто предложение им альтернативного местоположения + апелляция к помощи свыше + история А (А + n истории) + апелляция к помощи свыше + устранение зла + закрепка.

В качестве структурного признака своеобразия следует отметить гораздо более частое, чем в среднем в эстонской заговорной традиции, использование закрепительных формул: во имя Отца, и Сына, и Святого Духа; аминь, а также молитвы «Отче наш». Закрепительная формула (или формулы) могут быть как в начале, так и в конце текста, заменяя магическое очерчивание круга. В народной медицине и религии большинства народов обычным является отстранение очага болезни или отстранение врача и больного от прочего мира путем обведения круга (ср.: Hndwb V, 460; Гагулашвили 1983, 123). Закрепительные формулы могут располагаться и в середине текста при переходе от одного мотива или заговора к другому. Их можно рассматривать также и в качестве особого случая апелляции к помощи свыше, стремления к помощи внечеловеческих и сверхъестественных сил. Часты контаминации из нескольких разных сюжетов и мотивов, а также полифункциональность заговора.

Перечень мотивов, восходящих к Библии, показал, что в эстонских заговорах число библейских действующих лиц, а также число соответствующих мотивов довольно ограничено (ср. с латышской: Straubergs 1939; 1941; восточно-славянской: (Познанский 1917, 61; Петров 1961); финской: (Krohn 1912)). Из действующих лиц в заговорах встречаются Мария, Христос, св. Георгий, Иоанн Креститель, св. Анна, Петр, Мат-

фей, Марк – таков перечень святых (см.: Кыйва 1990, 80). Чаще в заговорах можно встретить имя Марии, оно встречается в параллельном стихе рядом с именами владык и владычиц земли.

В группе легендообразных / *historiola* заговоров основные структурные схемы проще: *история*, которая может быть и в виде магического диалога. Часты также схемы история + история и история + апелляция к помощи свыше.

Канонические молитвы в функции заговоров

По всей вероятности, канонические молитвы были одними из первых средств лечения, они проникли в эстонскую народную традицию через странствующих монахов и церковных деятелей и сохраняли свою популярность в средние века и позднее. Интересным является то, переводились ли и использовались ли молитвы на родном языке до известных переводов молитв XVI в. В принципе, это вполне возможно. Согласно архивным данным, в традиции XIX в. сохранились отдельные отрывки молитв на латинском языке, однако в основном мы имеем дело с материалом на эстонском языке, распространению которого в значительной мере содействовала лютеранская церковь.

Хотя прямо или косвенно назван целый ряд молитв, популярны из них только некоторые. По использованию абсолютно универсальной является молитва «Отче наш», которую применяли при лечении почти всех болезней, а также при общении с объектами природы или мифологическими существами, при обеспечении хозяйственного благополучия, в критических жизненных ситуациях и при сглазе. Использование молитв (в том числе «Отче наш») для достижения зла или добра – явление в эстонской традиции древнее. Подобное тотальное распространение молитвы «Отче наш» указывает на то, что этот текст высоко ценили. Очевидно, что с течением времени она заменила ряд архаичных лечебных, отводящих, защитных и прочих формул. С забыванием последних и с ослаблением народной религии на первый план выдвинулась молитва «Отче наш», оставаясь часто единственным

средством защиты. Широкому распространению данной молитвы среди лечебных текстов содействовало, вероятно, и то, что если народный врачеватель не знал подходящих заговоров, то он мог лечить именно путем чтения хорошо известного ему текста. Вполне естественно, что в период забывания заговоров канонические молитвы имели преимущество перед прочими: их знали и врачевание с помощью «слова Божьего» признавали больше.

Часто при лечении нарывов, рожи, растяжения и прочего использовали и «крестильные» слова. Особенно же распространенным было обращение «Изыди, нечистый дух, дай место Святому духу!»

Канонические молитвы с соответствующим обрядом читали и самостоятельно. Часто их присоединяли в равном виде к началу или к концу заговоров – в этом случае они являются своеобразными формулами-закрепками.

Каролина Пихельгас, проанализировав применение молитвы «Отче наш» на примере упоминаний в рукописном архиве Ейзена, подчеркивает, что в обратном прочтении ее использовали 59 раз, т. е. в 25,7 % архивных текстах, а такое же прочтение псалма встречается всего 1 раз. Одной из причин переворачивания текста молитвы можно считать представление о потустороннем мире как о перевернутом на оборот (Pihelgas 2013); в правильном порядке молитва «Отче наш» представлена в более 32 % архивных текстов (Pihelgas 2013). Эти цифры указывают на значительное преобладание молитвы «Отче наш» над другими, а также и на то, что при прочтении используется характерный для заговоров набор приемов, но это уже отдельная тема для исследования.

Молитвы и песни из молитвенников в функции заговоров

Молитвенник люди носили с собой для защиты от духов, привидений и сверхъестественных сил, часто его клали в гроб умершему. Листы из молитвенников развешивали на стенах хлева для защиты животных и использовали при гадании (Eisen 1926, 146).

Прежде всего молитвы использовали в качестве лечебных заговоров, реже – для отпугивания мифологических существ. На территории Южной Эстонии тексты молитвенников использовались чаще. Песни читали, пели или же листком, на котором они были напечатаны, надавливали на больное место (ERA II 62, 346 (8) < Ляэне-Нигула).

К 1524 г. на эстонский язык были переведены по крайней мере такие основные молитвы, как «Отче наш», «Аве Мария» и «Кредо» («Верую»). В последующий период тексты молитв и церковные песни распространялись в рукописном виде. На процессах против ведьм наряду с основными молитвами упоминают еще 10 заповедей и песни из молитвенника, использовавшиеся в качестве заговоров. Вышедшая в 1632–1638 гг. книга Г. Шталя «Hand- vnd Hauszbuch» содержит песни, которые, по архивным данным, в XIX–XX вв. бытовали в заговорном репертуаре: «Jommal Issa ella meije jures» [Боже Отче, пребудь с нами] (Stahl 1637, 48), «Keskil meije omma ello sees» [Посреди нашей жизни] (Stahl 1637, 163). Более поздние молитвенники, как, например, «Ma Kele Koddo = nink Kirko = Ramat» (1700) и другие, содержат уже большинство текстов из молитвенников, использовавшихся в качестве заговоров. Многие из них переходили из издания в издание: «Amen, au issal olgo» [Аминь, честь Богу] (EMRLR, 314; TMKLR, 283), «Au, kitus olgo igavest» [Слава и хвала вечности] (EMRLR, 101), «Kui Jesust risti naelati» [Когда Иисус был распят] (EMRLR, 55), «Jumal Issa meile jä» [Отец-Бог, пребудь с нами] (EMRLR, 101; TMKLR, 65), «Herodes, miks sa ehmatad» [Ирод, чего страшись] (EMRLR, 49), «Keset elu meie pääl» [Посреди нашей жизни] (TMKLR, 227), «Kes woip mo wasta olla» [Кто может быть против меня] (TMKLR, 192); «O Adam sinno essitus» [О, Адам, твоя ошибка] (EMRLR, 115), «Keskel selle ello sees» [Посреди этой жизни] (EMRLR, 245), «Kui meil on püsti hädda käes» [Когда мы в большой скорби] (EMRLR, 305), «Kui Jesu sure armoga Jordani jõele tuli» [Когда Иисус с большой любовью вошел в реку Иордан] (EMRLR, 123), «Werri on meid ühhendanud» [Нас связала кровь] (EMRLR I, 458).

В лечебных заговорах церковные песни использовались в большинстве случаев для врачевания болезней неясного

происхождения (19 песен), а также применялись против боли, прострела и удара, опухоли, змеиного укуса, растяжения, ломоты, рожи и тому подобных, т. е. в тех случаях, когда человек не мог справиться с болезнью дома и был вынужден обращаться к специалисту.

Заговоры могли включать в себя церковные песни либо целиком, либо только определенные стихи из них (например, из песни «Jumal isa meile jää» [Отец-Бог, пребудь с нами] – лишь три первых стиха). Церковные песни, как и прочие, могли использоваться против разных болезней: «Amen, au isal olgu» [Аминь, честь Богу] – против растяжения, рожи, болезней от ветра; «Uss kui põtra hammustas» [Когда гад укусил животное] – против опухоли, змеиного укуса и т. д.

Тексты самовольно не изменяли, могли объединять разные песни и иные формальные возможности. Приведем примеры.

1. Церковная песня.

2. Церковная песня + церковная песня (песни). Песни контаминируют между собой целиком (ЕРА II 56, 31 (6)); церковная песня полностью и избранные стихи («Amen, au isal olgu» [Аминь, хвала Богу] текст целиком + 3 стиха «Jumal isa meile jää» [Отец-Бог, пребудь с нами]); избранные стихи из нескольких песен (3 стиха «Kui Jeesus suure armuga» [Когда Иисус с большой любовью вошел в реку Иордан] + 6 стихов «Kui Jeesus ristil naelati» [Когда Иисус был распят] + 4 стиха «Veri on meid ühendanud» [Нас связала кровь]).

3. Молитва + церковная песня (например, «Отче наш» + «Herodes, miks sa ehmatad» [Ирод, чего страшишься]).

4. Краткая молитва + заговор в форме рунического стиха + краткая формула (например, «Võta, issand, halasta» [Господи помилуй] + «Боль вороне» + «Изыди, сатана!»).

Заключение

В заключение отметим, что для заговоров характерно широкое использование молитв, библейских и парабиблейских текстов и псалмов в магической функции. Они используются целиком и самостоятельно, как «кирпичики» для создания

единого текста. Аналогично народным песням, которые состоят из различных мотивов и типологических единиц, здесь также объединяются части текста различной длины. Молитвы использовались для закрепки в начале и конце заговоров, а также посередине или между различными цельными частями. Поэтому заговор может представлять собой сложное уникальное интертекстуальное сочетание мотивов. Цель таких текстов соответствует их функции, но очевидно и то, что пользоваться ими (и создавать их) могли только профессиональные знахари. В этом отношении отдельно стоит молитва «Отче наш», которая сотни лет служила людям универсальным средством помощи для каждого.

Тексты читались в правильной последовательности (т. е. от начала и до конца), а «Отче наш» в обратном порядке, согласно ситуации. Возможно, что это было обусловлено необходимостью воздействовать на противника / болезнь посланием на незнакомом тайном языке. Может быть, имело место желание перевернуть повседневный мир с ног на голову и вывернуть его наизнанку. Это использовалось, например, если человек заблудился в лесу. Более отдаленные параллели с миром наизнанку мы найдем в ритуалах врачевания шаманов Сибири.

Если для знахарей решение кризисных ситуаций или уравнивание ситуации при помощи библейской литературы, молитв и псалмов означало опору на божественный авторитет и церковный канон, то духовенство и ученые были настроены скептически. Духовенство, как правило, не принимало использование заговоров / слов, даже если речь шла о канонических текстах. До последнего времени фиксировались также обращения к стихиям природы, ранее – к духам и сатане, но их доля была меньше.

Выражение благодарности

Работа выполнена при поддержке Министерства образования и науки Эстонии (институциональный исследовательский грант IUT 22-5) и Фонда регионального развития ЕС (Центр компетенции по Эстонским исследованиям CEES – ТК 145).

Рукописные фонды фольклора

- Е – М. И. Эйзен (архив 1880–1934)
EFITA – Фольклорный архив отделения фольклористики Эстонского литературного музея (2016–)
ERA – Эстонский фольклорный архив (архив 1927–1944)
E, StK – Стипендиаты М. И. Эйзена (архив 1921–1939)
EÜS – Общество эстонских студентов (архив 1875–1917)
H – Я. Хурт (архив 1860–1906)
RKM – Литературный музей им. Фр. Р. Крейцвальда (архив 1945–1996)
RKM, Mgn – Фонотека Литературного музея им. Фр. Р. Крейцвальда (архив 1953–1996)

Сокращения Библейских книг

- Ап. – Откровение Иоанна Богослова
Быт. – 1-я книга Моисея. Бытие
Дан. – книга пророка Даниила
Деян. – Деяние святых апостолов
Ин. – Евангелие от Иоанна
Иов. – книга Иова
Ион. – книга пророка Иона
Исх. – 2-я книга Моисея. Исход
Лк. – Евангелие от Луки
Мк. – Евангелие от Марка
Мф. – Евангелие от Матфея
Нав. – книга Иисуса Навина
Откр. – Откровение Иоанна Богослова
Пс. – Псалтирь
Цар. – книги Царств
Чс. – 4-я книга Моисея. Числа

Список цитированных источников

- Ветухов, Алексей 1907. Заговоры, заклинания, обереги и другие виды народного врачевания, основанные на вере в силу слова. *Изъ истории мысли*. Вып. 1–2. Варшава: Тип. Варшав. учеб. округа. <http://relig-library.pstu.ru/modules.php?name=1880>
- Гагулашвили, Илья 1983 = Гагулашвили, И. 1983. *Грузинская магическая поэзия*. Тбилиси: Изд-во Тбилис. ун-та.

- Кыйва, Марэ 1990. *Эстонские заговоры. Классификация и жанровые особенности*. Таллинн: Ин-т эстонского языка.
- Петров, В. 1981. Заговоры. *Из истории русской советской фольклористики*. Ленинград: Наука, Ленингр. отд-ние, с. 77–142.
- Ariste, Paul 1936. Eesti keelt rootsiaegsete kohtute protokollidest. *Eesti Keel*, 1936: 1, pp. 1–14; 1936: 2, pp. 42–46.
- EMKLR 1721 = *Eesti-Ma Kele Laulo-Ramat, Mis sees Õnsa Lutterusse ja muud teised wannad ning ued kaunid Laulud on üllespandud, Mis üks õige Risti-Innimenne Keige Pühha- ja mu Päwade sees Jummal Kitusseks ja omma Süddame Õppetusseks, Mainitsusseks, Parrandamisseks ning Rõmuks võib tähhele panna, luggeda ning laulda 1721*. Tallinn: Eestimaa Konsistooriumi kirjastuskassa.
- EMRLR 1738 = *Eesti Ma rahwa Laulo-Ramat, kus õnsa Lutterusse ja muud teised wannad ning ued kaunid Laulud on ülles-pandud, mis üks õige Risti=Innimenne Keige Pühha= ja muil Päivil Jummal Kitusseks ja omma süddame õppetusseks Maenitsuseks Parrandamisseks nink Rõmuks võib tähhele panna, luggeda ning laulda 1738*. Tallinn.
- EMRLR I 1862 = *Eesti Ma rahwa Laulo=Ramat, kuhhu, õntsa Lutterusse*. Tallinn: Lindfors.
- Hndwb = Hoffmann-Krayer, Eduard & Bächtold-Stäubli, Hanns (ред.) 1927–1938. *Handwörterbuch des deutschen Aberglaubens I–IX*. Berlin-Leipzig: de Gruyter.
- Honko, Lauri 1972. *Uskontotieteen näkökulmia*. Porvoo-Helsinki: WSOY.
- Inikova, Svetlana 1999. *Doukhorbor Incantations Through the Centuries*. Ottawa: Legas Publishing & Spirit Wrestlers Associates.
- Kahk, Juhan 1980. Nõidumisest ja nõiasõnadest Eestis XVII sajandil. *Keel ja Kirjandus* 11, pp. 673–681.
- Kahk, Juhan 1987. Ristiusk, teadus ja nõiaprotsessid XVII sajandil. *Religiooni ja ateismi ajaloost Eestis III. Artiklite kogumik*. Tallinn: Eesti Riiklik Kirjastus, pp. 146–171.
- Krohn, Kaarle 1912. Pyhimysten nimet suomalaisisaa loitsurunoissa. *Historiallinen Aikauskirja*, pp. 319–327.
- Kuujo, Anja 1954. Eräs pistoksen luku 1600 luvulta. *Virittäjä*, pp. 320.
- Kõiva, Mare 1981. Fr. R. Kreutzwaldi ja A. H. Neusi väljaandest «Mythische und magische Lieder der Ehsten». *XXV Kreutzwaldi päevade konverentsi ettekannete teesid*. Tartu: Teaduste Akadeemia, pp. 12–13.
- Kõiva, Mare 1984. Legendimotiivid eesti loitsudes. *Noored filoloogias. Noorteadlaste konverents. Ettekannete teesid*. Tallinn: Eesti NSV Teaduste Akadeemia, pp. 13.

- Levón, Kaarle 1904. *Tutkimuksia loitsurunojen alalta. Veren-sulkusanat ja raudan sanat*. Tampere: Suomen Yliopisto.
- Madar, Maie 1980. *Nõiaprotsessid Eestis XVI kuni XVIII sajandini*. Diplomitöö, käsikiri. Tartu: Tartu Ülikool, NSV Liidu ajaloo kateeder.
- Madar, Maie 1987. Nõiaprotsessid Eesti XVI sajandist XIX sajandini. *Religiooni ja ateismi ajaloost Eestis. III. Artiklite kogumik*. Tallinn: Eesti Riiklik Kirjastus, pp. 124–145.
- Matthias Johann 1926. *Eesti vana usk: Eesti mütoloogia IV*. Tartu: Eesti Kirjanduse Selts.
- Neus, Hans & Kreutzwald, Friedrich Reinhold 1854. *Mythische und magische Lieder der Ehsten*. St. Petersburg: Eggers et Comp.
- Ohrt, Ferdinand 1931. Loitsujen Jordani. *Kalevalaseuran Vuosikirja* 11. Helsinki: WSOY, pp. 169–178.
- Pihelgas, Carolina 2013. „Kolm kord meie isa enne lugeda, siis...“ Meieis-apalve kasutamine loitsuna eesti rahvausundis. *Keel ja Kirjandus* 1, pp. 30–48.
- Piibel 1884 = *Piibli Ramat*. 10. Trükk. Tartu Piibli-selts. Tartu: H. Laakmann.
- Possevino, Antonio 1973. Lettera alla Duchessa di Mantona. Kiri Mantona hertsoginnale. *Maarjamaa Taskuraamat*, 2. Rooma: Maarjamaa.
- Roper, Jonathan 2005. *English Verbal Charms*. Helsinki: Suomalainen Tiedeakatemia.
- Schlüter, Wolfgang 1883. Ein estnischer Zauberspruch. *Sitzungsberichte der Gelehrten estniechen Gesellschaft uz Dorpat 1882*. Dorpat: C. Mattiesen, pp. 66–80.
- Schlüter, Wolfgang 1911. Estnischer Zauberepruch aus einem Visitationsprotokolle vom Jahre 1750. *Sitzungsberichte der Gelehrten Estnischen Gesellschaft 1910*. Jurjev-Dorpat, pp. 137.
- Stahl, Heinrich 1632–1638. *Hand- und Hauszbuch für die Pfarherren und Hausväter für das Fürstenthumb Esthen in Liffland*. Bd. 1–4. Riga: Christoff Reusner.
- Straubergs, Kārlis 1939; 1941. Latviešu buramie vārdi. I–II. Riga: Latviešu Folkloras krātuves izdevums, Izdots.
- TMKLR 1732 = *Tarto-Ma kele Laulu-Ramat, kumman kik wanna nink wastse Laulo, kumma senni ajani Trükki Märki trükki-tu, ütte Ramato sisse omma kokko kootu, nink sündlik-kuide Nimme alla säetu, mida eggä sure Pühhä Ajal nii häste, kui muido kigge suggutsen, Henge nink Ihho röömsan nink kurvan Pölven säratsid Laulo, kumma sündiva, löwwis Jummalalle Auwus nink Tarto-Ma koggodusselle Tullus t trükkitu*. Riga: S. Fröulich.

- Uuspuu, Vilen 1938a. Eesti nõiasõnade usulisest iseloomust. *Usuteadusline Ajakiri*, pp. 15–24.
- Uuspuu, Vilen 1938b. Surmaotsused eesti nõiaprotsessides. *Usuteadusline Ajakiri*, pp. 79–87, 117–130.
- Velmezova, Ekaterina 2011. On Correlation on Charms and Prayers in Czech and Russian Folklore Traditions: An Attempt at Textual Analysis. T. A. Mikhailova & J. Roper & A. L. Toporkov & D. S. Nikolayev (ред.) *Oral Charms in Structural and Comparative Light*. Moscow: PROBEL-2000, pp. 55–60.
- Westrén-Doll, August 1925. «Abgötterey» zu Ausgang der schwedischen und Beginn der russischen Zeit. *Õpetatud Eesti Seltsi Aastaraamat*. Tartu, pp. 7–25.
- Wichmann, M. Gottfried Joachim & Kindervater, M. Christian Victor 1806. Neueste biblische Hand = *Concordanz und Wörterbuch*. *Neue unveränderte Ausgabe*. Leipzig: Friedrich Gotthold Jacobäer.

Summary

PRAYERS AND INCANTATIONS. BIBLE MOTIVS AND CHARACTERS IN INCANTATIONS

Mare Kõiva

This article examines Bible verses, church songs, and prayers that were used as incantations. An overview of the motifs and verses in the Bible used as incantations are presented: a total of 33 Old and New Testament verses were used for medical treatment. In addition to citing the Bible, the incantation tradition and historiolas based on the allusions were more widespread. Particularly since the 18th century, the hymnals and the Bible were the sources of incantations, supported by the spread of Estonian-language church literature, information on the use of prayers dates back to the 16th century.

The author analyses wide-ranging texts to find out what kind of biblical verses, prayers and hymnals were used to create the complete texts and how many contaminations were in one sub-category, and for what purpose (healing, regulation of social relationships) they were used. For the first time, the use of prayers and other texts related to biblical literature as incantations is analysed using a full corpus.

Keywords: Bible as a source of incantations, historiola, hymnals, incantations, prayers